

Надежда ПТУШКИНА

СТАЛИНГРАДСКОЕ ТАНГО

Романтическая драма в двух частях

Внимание: любое (коммерческое, благотворительное, профессиональное, любительское) публичное исполнение пьесы возможно исключительно с разрешения автора. Для исполнения пьесы, будь то в России или за рубежом, необходимо получить разрешение заранее, обратившись лично к автору по адресу ptushkina@mail.ru.

Автор не разрешает вносить какие-либо изменения в текст, сокращать или менять местами сцены, менять имена или возраст героев, а также переименовывать пьесу.

Нарушение авторских прав преследуется по закону Российской Федерации и по нормам международного законодательства.

Надежда Птушкина готова безвозмездно разместить вашу информацию (в том числе рекламного характера), фотографии, видеоматериалы на своем сайте <http://ptushkina.com> о спектаклях (в любой точке мира), фильмах и радиопередачах по ее пьесам.

«Изучение одних, чисто военных аспектов проблемы неизбежно приведёт к искажённому восприятию событий, которые проходили на берегах Волги более пятидесяти лет назад».

Э. Бивор.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Фриц

Гердт

Адам

Генрих

Людвиг

Военврач Рейха

Переводчик Рейха

Артнаблюдатель Вермахта

Русский пленный

Первый могильщик

Второй могильщик

Павич

Катюша

Генерал

В эпизодах: бойцы Красной Армии, солдаты Вермахта

Время действия с июля по декабрь 1942 года.

Место действия: Сталинград. Район Серафимовича.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ноябрь 42.

Сталинград.

Ночь. Зарево.

Словно Сталинград пылает ярким пламенем. Строчат пулемёты, которые немцы прозвали «швейными машинками». Изредка снарядные взрывы.

КП. Или закопченная дыра с двумя койками, крохотным столиком, под которым телефонный аппарат. Четыре снарядных ящика, поставленные «на попа», вместо табуреток. На одном - большой будильник.

Керосиновый фонарь с чахлым светом.

Полки. На одних – аккуратно выстроились котелки. На других – книги, бумаги.

В углу сложено оружие.

Время от времени, после снарядного взрыва сверху сыпется известька.

На обеих койках спят мужчины. Один с постельным бельём, другой – без.

Фриц. (Тот, который спит на белье, внезапно кричит во сне во весь голос)
Ещё десять выстрелов! Огонь! Вертикальная наводка!

Гердт, (тот, который спит без белья) не реагирует.

Резко звонит телефон.

Никакой реакции, словно мужчины мертвы.

Телефон надрывается.

Фриц и Гердт одновременно усаживаются в постелях, смотрят друг на друга и не понимают, где они, что с ними, откуда звон.

Фриц. (Подносит к глазам будильник) Чертовское свинство! Поставил на пол третьего, хотел отоспаться...
Так нет! Какой-то кретин звонит в час ночи! Кретин!!!
(Снимает трубку и совсем другим тоном)
Господин генерал!

Голос. Не разбудил?

Фриц. Ни в коем случае, господин генерал! Мы не спим вообще! Отоспимся после победы!

Герд с отвращением вылезает из-под одеяла.

Голос. И что подделывает ваш батальон?

Фриц вытаскивает из планшетки и разворачивает план расположения батальона.

Фриц. Докладываю по плану.

Голос. Ответьте кратко!

Фриц. Яволь, господин генерал! Отвечаю кратко! Требуется пополнение!

Голос. Пока не рассчитывайте!

Герд плетётся в смежную комнату. Пока он не исчезает в полной тьме соседнего помещения, можно разглядеть, что это молодой человек, в форме фельдфебеля, и в женской шерстяной кофте поверх летней формы.

Фриц. Господин генерал! Ноябрь. Пора думать про зимнее обмундирование и прочную зимнюю позицию.

Голос. Обмундирования не понадобится. И зимовать не собираемся. Овладеваем цехом № 4, и битва за Сталинград становится нашим героическим и победным прошлым.

Герд в соседней комнатухе растопил печь, и пламя освещает столь же убогую конуру.

Фриц. Прекрасно сказано, господин генерал! Но где взять силы?

Голос. Применить новую тактику – атаки мелкими штурмовыми группами. Ищите резервы! Подчиняю вам полк хорватов. Наш артиллерийский полк поддержит вас огнём.

Фриц. Господин генерал! Я не могу вести людей на гибель!

Голос. Это приказ!

Фриц. Яволь, господин генерал!

Отсоединяется.

Фриц. Козёл! (Громко) Герд!

Тут же появляется.

Господи! (Закрывает лицо руками) Какая-то нереальная жизнь! Проснуться бы с улыбкой! Диван. Мать. Книга. Лампа. И никакой стрельбы!!! (Отнимает руки от лица) Командиров отделений ко мне! Командира хорватов ко мне! Чёртово свинство!

Герд. Яволь, господин обер-лейтенант!

И мгновенно кидается исполнять.

Фриц поднимается, тщательно заправляет койку. Проходит в соседнее помещение, берёт с печи котелок горячей воды, возвращается, достаёт и заводит механическую бритву, усаживается перед маленьким зеркальцем и начинает бриться.

Прислушивается.

Тонкий, едва различимый писк.

Осторожно встаёт, берёт ружьё и палит в пол.

Удовлетворённо хмыкает.

Продолжает бритьё.

Входит командир сапёрного подразделения Адам.

Адам. Не спится? (Садится на ящик)

Фриц. Генералу не спится.

Адам. Мечтает об очередном рыцарском кресте?

Фриц. Судя по его приказам, мечтает получить орден от Сталина. Что в сапёрном батальоне?

Адам достаёт из планшетки бумагу и протягивает Фрицу.

Фриц просматривает и бубнит.

Фриц. Убит... без вести... ранен... убит... убит... убит...
ранен... убит... убит... убит... убит... без вести... Понятно!

Адам. Нет батальона!

Фриц. Отдаю приказ – кавалеристам спешиться. Присоединю к вам. Срочно обучите сапёрному делу.

Адам. Насколько срочно?

Фриц. За сутки.

Адам. За сутки?

Фриц. Я всё понимаю, Адам...

Адам. Фриц!

Фриц. Господин командир сапёрного батальона!

Адам. Господин обер-лейтенант!

Фриц. (Взрывается) Адам! Я ежедневно отправляю оперативные сводки в штаб дивизии. Они никого не беспокоят!

Адам. Кавалеристы едва ли отличают противотанковую тарелку от пехотной мины, и понятия не имеют, что взрыватели бывают нажимного, ударного и натяжного действия...

Фриц. У вас есть сутки.

Адам. (Указывает вверх) Они там спятили! Думают, Сталинград падёт через несколько дней. Здорово ошибаются! Без свежих дивизий ничего не будет!

Фриц. Пополнения ждём.

Адам. А противник укрепляет позиции.

Входит пехотный командир Людвиг.

Людвиг. (Бодро) Не спится?

Фриц. Доброе утро! Как у тебя...

Людвиг. (Перебивает) Исправных - только восемь пехотных орудий! (Присаживается на ящик)

Входит командир зенитчиков Генрих.

Генрих. Зенитная батарея – шесть 20-ти миллиметровых пушек. Всё! Если речь пойдёт об атаке на укрепленные позиции, то это самоубийство.

Фриц. Именно об этом и пойдёт речь.

Генрих. Сталинград пожирает нас!

Людвиг. У фюрера тайный план. Он думает и действует за всех нас. Мы же судим со своей узкой позиции.

В ответ молчание.

Фриц. Дождёмся Павича, и начну.

Возвращается Герд.

Герд. Господин обер-лейтенант! Полковник Павич передал, чтобы его оставили в покое. Он спит.

Фриц. Ну, и союзнички у нас! Герд, организуй горячего! Впереди тяжёлый день.

Герд. Яволь, господин обер-лейтенант! (Выходит.)

Фриц. Итак, нам необходимо овладеть цехом 4. Для начала надо захватить первый этаж, шесть комнат административного помещения.

Адам. Захватывали! Утром захватываем, а вечером нас вышибают.

Генрих. За каждый метр полегло уже больше сотни наших!

Фриц. Я возражал генералу. Не помогло! И теперь мы должны атаковать, несмотря ни на что.

Генрих. (В полушутку) Обоснованное предложение, пожалуйста!

Фриц. (Генриху). На трёхминутную, но мощную артподдержку тебя хватит?

Генрих. Три минуты?

Фриц. В короткой артподготовке свой плюс. За нами будет момент внезапности.

Адам. А в этом что-то есть! Русские не успеют взять под контроль ворота и окна.

Фриц. Успеют! И это нам на руку. В этот раз мы не будем соваться ни в ворота, ни в окна!

Рисует. Командиры низко наклоняются, так как освещение слабое.

Фриц. Цех... длина - свыше ста метров... Ширина фасада метров сорок...
Подрываем правый угол!

Адам. Иваны охренеют! Надо килограмм сто пятьдесят взрывчатки! Пойду
клянчить по всем подразделениям!

Фриц. И ринемся в брешь! Взрыв и послужит сигналом к атаке!

Адам. Старик! Мы сделаем Иванов!

Фриц. Атакуем четырьмя ударными группами, человек по двадцать...

Отсюда, отсюда и...

Адам. Отсюда...

Фриц. Верно!

Генрих. И отсюда?

Фриц. Нет.

Адам. Понял! Отсюда! Сегодня мы отправим их в нокаут!

Фриц. Группы поделим. В каждой по десять человек на группу штурма. И
десять – на боевое охранение! Штурмовиков вооружим автоматами,
огнемётами, ручными гранатами, сосредоточенными зарядами, подрывными
шашками и дымовыми свечами. Возле командиров выставим
артнаблюдателей. Боевому охранению – пулемёты, автоматы, подрывные
заряды и мины... Дистанция между группами – 30 метров. Отбитая
территория немедленно занимает. Для этого используем хорватов. Ну?
Адам. Пожалуй, твой план идеален. Взрыв угловой стены – единственный
выход в этой ситуации.

Генрих. Я тоже начинаю верить в успех.

Фриц. Людвиг?

Людвиг молчит, размышляет.

Генрих. За него думает фюрер!

Герд вносит котелок и миски.

Фриц. Как раз вовремя! (Убирает со стола.)

Герд проворно разливает суп.
Все разбирают ложки.

Герд. Приятного аппетита!

Все шевелят губами в короткой молитве и приступают.
Герд стоит у лаза на улицу.

Адам. У меня хорошее предчувствие! Сегодня приснилась жена. Она сказала мне « Я так люблю тебя...» И ещё что-то хотела сказать... Что-то важное. Но пришёл Гердт и разбудил!

Герд. (Громко) Эй, рус! Сдавайся! Сдавайся, или будешь пускать пузыри!
Рус! Рус! Беги к нам! У нас – супчик! Горячий супчик! Гут супчик! Зеер гут, супчик! Твоё время прошло, рус! Мы тебе, Иван, хвост прищемим!

Одиночный выстрел, И Герд кубарем скатывается обратно.
Все смотрят на него, жив или нет.

Герд. Немножко напугал руса! Пусть боится нас!

Адам. Приятного аппетита от русских!

Генрих. Супчик всё водянистее, куски хлеба всё тоньше!

Адам. Но зато - горячий! Что же она хотела мне сказать?

Фриц. Следующей ночью досмотришь свой сон! Поторопитесь! Пока не рассвело, сориентируемся на местности. А потом я подготовлю приказ о наступлении. (Герду) Дежурь у аппарата! Не проспай телефон!

Людвиг. У меня тоже хорошее предчувствие!

Неожиданно вскрикивает и роняет ложку.

Все смотрят на него.

Он стонет от боли и держится за щёку.

Адам. (Сочувственно) Кость попала?

Герд. Суп не мясной!

Людвиг что-то вынимает изо рта и рассматривает.

Генрих. Осколок снаряда!

Людвиг. (Плачущим голосом.) И зуб!

Рассвет.

Фрагменты капитальных стен, слепые фасады,
скелеты зданий... Стальные балки, искорёженные
металлоконструкции... Печные трубы... Горы камня,
кучи щебня.... Из мусорных куч тянутся дымки.... В
воздухе кружится пепел...

На востоке яркие линии трассирующих пуль... Горизонт вспыхивает скачками то красным, то жёлтым, то зелёным... с промежутками тьмы. Всюду натыканы указатели: на немецком, и на русском языках.

Фриц и командиры пробираются среди куч мусора и щебня.

Адам. Светлеет, и как-то становится неуютно...

Генрих. (Откашливается) Всё время пепел лезет в горло...

Орудийный залп.

Все четверо бросаются на землю и вжимаются в неё.

Всё вокруг заволакивается дымом.

Фриц. Орудийные расчёты русских успели позавтракать. Хватит лежать! Уснём!

Адам. Сначала высмотрим местечко побезопаснее.

Генрих. В России таких нет...

Фриц. (Показывает) Туда!

Все делают рывок к уцелевшему фасаду и встают под ним.

Дым рассеивается.

С фасада глядят на немцев лица с семейных фотографий, уцелевших на стене, на розовых обоях.

Немцы замечают фотографии и молча рассматривают.

Генрих. Год малышу, наверное... Моей год стукнул, когда входили в Польшу... А сейчас, - четвёртый...

Фриц. Их мать. Смотрит радостно.

Адам. Красивая... Сестра... или мать... Юная...

Фриц. Мать... Взгляд материнский...

Генрих. А вот, значит, глава семьи... Постарше её... Повезло ивану... Такая красивая...

Фриц. Против нас, небось, воюет...

Адам. А, может, уже не воюет...

Генрих. Может, в плену...

Адам. А, может, их никого нет в живых... Вернусь, и сразу с женой заведём ребёнка, а потом ещё, и ещё... хоть десять... будем рожать, сколько получится... Она у меня красивая... И дети будут красивые... Много красивых детей будут говорить мне «папочка...» Неужели наступит тот невероятный день, когда я вернусь домой?

Помолчали.

Генрих. Первые бомбы уже обрушились ...

Фриц. Неужели и у нас будет, как здесь... Как же мы измордовали их землю!

Людвиг. Проклятье! зуб болит... просто челюсть выламывает... Будь прокляты русские!!! Думают, что устроили нам ловушку, отступив до самой Волги! Но они ещё не поняли, кто такой Гитлер! Я куплю здесь, на Волге, ферму!

Фриц. А до покупки фермы, - уточним план наступления. (Показывает) Вот - угол цеха, который будем взрывать...

.....

Снова КП. Герд делает зарядку. Фриц сидит, уже одетый, на незаправленной постели и смотрит на часы.

Фриц. Ноль два пятьдесят пять. (Снимает трубку) Солист! Я – Волга.

Ответ. Всё готово! Ударные группы заняли исходные рубежи для атаки.

Фриц. Вооружение и средства ближнего боя проверены?

Ответ. Всё в порядке!

Фриц. (Набирает другого) Верден! Я – Волга.

Ответ. В минных заграждениях перед цехом проделаны проходы. Ящики со взрывчаткой подтянуты. Всё в порядке, Фриц!

Фриц. Спасибо, Адам! (Набирает) Дон! Я – Волга. Всё в порядке?

Ответ. Докладываю! Батареи пехотных орудий нацелили свои стволы на объект атаки. Снаряды лежат наготове.

Фриц. Спасибо, Людвиг! (Набирает) Тулон? Я – Волга. Как дела, Генрих?

Ответ. Зенитная батарея встала на огневую позицию!

Двадцатимиллиметровки, все готовы открыть огонь!

Фриц. Спасибо, Генрих! Пока всё удачно!

Генрих. Не сглазь!

Фриц. (Набирает) Новый сад! Я – Волга. Полковник Павич? У вас всё в порядке?

Ответ. Хорватский батальон готов немедленно выступить во втором эшелоне. Нам тут прислали хорошие хорватские сигаретки. После боя угощу!

Фриц. Спасибо! (Набирает) Гиппократ? Я – Волга.

Медпункт оборудован?

Ответ. Всё в порядке. Батальонный врач на месте.

Фриц откидывается и закуривает.

Герд хватается ружьё и стреляет в пол. Спокойно ставит ружьё на место.

Герд. Всё в порядке?

Фриц. Всё в порядке. Как же здесь, у нас на КП, погано, Герд!

Герд. Зато надёжно! Над нашим подвалом дом ещё не разрушен!

Фриц не отвечает. Встаёт, ходит взад-вперёд.

Фриц. (Распахивает дверь) Скрипит снег. Звенит мороз. Русским дома и снег помогает! (Герду) Оставайся у аппарата! Я – в район исходного положения!

.....

На местности. Занимается рассвет.

Фриц осматривается.

Рассекает тишину первый снаряд. А затем уж снаряды завывают и свистят вдоль и поперёк.

Разрывы следуют один за другим с невероятной быстротой.

Возникает всё перекрывающий гул, который то нарастает, то опадает, но ни на секунду не прекращается.

Всё заволакивается чёрным туманом.

Фриц. Молодец Генрих! (Кричит изо всех сил) Где артнаблюдатель?! Чёрт побери!!! Одни недолёты!!!

Артнаблюдатель. Господин обер-лейтенант! Посмотрите на Восток! Это русская артиллерия! Бьёт из-за Волги!

На Востоке вспыхивают молнии орудийных залпов, один за другим.

Фриц. Но ответить так быстро не может ни один артиллерист в мире! В чём дело?

Издали крик. Санитары! Сюда!!!

Фриц. Потери до начала атаки! Чёрт!!! При наших-то силах!

Адам. (Подбегает, пригнувшись) Теперь дело за мной! (Бежит дальше)

Фриц. (Возбуждён, нервничает) Хватит ли взрывчатки? Установлены ли вовремя запалы?

Адам. (Возвращается) Горит!

Бросаются на землю.

Фриц. Сейчас, сейчас, сейчас...

Ослепительно яркая вспышка.

Оглушительный грохот.

Летят камни, кирпичи, куски металла...

Всё окутывает чёрный туман.

Фриц и Адам трут глаза.

Фриц. Ни черта не видно!

Адам. Брешь метров десять! Уже карабкаются по кускам камня сапёры...

Фриц. Вот, ... наконец, вижу, ... пробивается вторая
штурмовая группа...

Адам. Генрих – молодец! Зенитная батарея взяла под огонь крышу!

Фриц. Пошли группы боевого охранения!

Взлетает белая сигнальная ракета.

Фриц. Сигнальная ракета! Прорвались в здание!

Адам. У обороняющихся здесь большие преимущества... (Артнаблюдателю)

Выстрелы с чердака! Чего ждёшь? Пусть зенитки перенесут огонь на чердачное окно!

Артнаблюдатель отползает.

Дым чуть-чуть рассеивается.

И видно, как солдаты вермахта карабкаются по металлическим конструкциям, подпоркам и балкам.

Фриц. Сейчас там гранаты летают из комнаты в комнату.

Солдаты балансируют на балке.

Выскакивает красноармеец и закидывает их гранатами, чётко, прицельно.

Солдаты падают.

Один успеваает проскочить, и завязывается рукопашная.

Видимость снова заволакивается дымом.

Фриц. Наши снова залегли! Чёртово свинство! Косоприцельный пулемётный огонь! За пулемётом – асс!

Адам. Сейчас уберу!

Адам резко вскакивает, пробегает пять шагов, вскидывает пулемёт и выстреливает обойму с такой быстротой, словно хочет сразу израсходовать весь боекомплект.

Пулемёт смолкает.

Фриц. (Кричит) Молодец Адам! Группа, хоть и рывками, но пошла вперёд!

Адам оглядывается на Фрица, смеётся счастливо... и падает.

Фриц. Адам! (Ползёт к нему) Адам! (Переворачивает его) Санитары!!!

Адам. Это – мой финиш.

Фриц. Что? Не слышу!

И наступает тишина.

Адам. Моя жена... Ты не пиши ей, что я – герой... Не пиши о фюрере, о народе и рейхе...

Фриц. Адам! Нет!!! Она ждёт тебя дома!

Адам. Напиши, я её любил...

Фриц. Нет! Ты должен уцелеть!

Адам. И пусть она поскорее забудет меня...

Фриц. Нет! Чёрт побери! Нет!

Адам. Пусть родит детей! Она так хотела!

Фриц. Санитары! Сюда!

Адам. погоди!

Фриц. Санитары!

Адам. Тише! Это финиш. Скажи правду. Будут ли помнить, и чтить нас... отдавших свои жизни за фашизм?...

И тишина взрывается громким победным многоголосным «Уррра...»

.....

Снова КП. Вместо панорамы города – огромная карта обстановки.

Фриц, Генрих, Людвиг.

Людвиг с перевязанной щекой, жадно курит.

Генрих отпаривает ноги в тазу.

В руках у него разваленные сапоги. Он приматывает подошвы проволокой.

Фриц говорит по телефону и одновременно большим ножом соскребывает грязь с шинели.

В соседнем помещении вовсю топится печь.

Фриц. Это сделать невозможно, господин генерал! Если атаковать мелкими штурмовыми группами, то не преодолеть заграждения, не прорваться в глубину и не смять умно построенную оборону.

Голос. Давайте фронтальной атакой!

Фриц. Не можем развернуться в узком пространстве цеха! И становимся мишенью! За каждым выступом поджидает красноармеец и с точным расчётом бросает гранаты! Цех не взять, господин генерал!

Голос. Отказываюсь верить!

Фриц. (Устало) Во всяком случае, нашими силами.

Голос. Такого мне ещё не приходилось слышать за все компании!

Фриц. Мы все здесь потрясены этим, господин генерал!

Голос. Мы прорывали стабильные фронты! Брали мощнейшие оснащённые доты! А здесь, перед самой Волгой, какой-то завод, который мы, якобы, не в силах взять?! Вы не в состоянии справиться с последними судорогами обороняющихся?

Фриц. Но раньше нам всегда хватало боеприпасов, нефти, бензина, стали, чугуна, цветных металлов и резины! А сейчас у нас нет даже медикаментов, даже зимней одежды!

Голос. Меня это не касается! Цех должен быть взят!!! Поучитесь воевать у русских! Готовьте новую атаку!!! Начало через полчаса! Ответственность за всё несёте лично вы! Отвечаете головой!

Фриц. Я не в состоянии!

Голос. Почему?!

Фриц. Некому атаковать! Больше нет батальона!

Голос. Вы ещё и людей потеряли?

Фриц. Выбыло 50% всех участвующих в атаке! Сто десять раненых, шестьдесят убитых!

Голос. Из-за своей безграмотности и отсутствия тактического чутья, вы разбазариваете людские ресурсы! И ещё позволяете себе так разговаривать! Я отдам вас под суд!

Фриц. (Кладёт трубку) Пусть думает, что связь прервалась...

Герд. Вы так с генералом говорили, что я чуть со страху не обделался.

Фриц. Мы здесь за Рыцарский крест для него бьёмся, а он пьян до одурения. На пафос повело! Самое поганое на этой войне,- штабные генералы! Нами командуют безумцы!

Генрих. Самое поганое на этой войне – мозоли... Варварский союз чудовищной обуви и чудовищных дорог. Спасибо Герду, раздобыл проволоку. Хоть прикрепил подмётки! Теперь, как новые! Дня три продержатся! А, если в атаку, через час полетят.

Герд. Самое худшее на этой войне, - эти маленькие партизаны! (Давит вошь) Капут партизану! Эти вши, как русские. Убиваешь одну тварь, а на её место тут же заступают десятки!

Людвиг. Ничего нет страшнее зубной боли! Я снова согласен в атаку, лишь бы зуб прекратил болеть... Я дал бы отрубить себе голову, лишь бы он прекратил болеть!

Фриц. Что происходит с нами здесь? Военная мощь Германии огромна! На французском побережье Атлантического океана, вдоль Ла-Манша, высится непреодолимый вал из стали и железобетона. За ним сосредоточились резервные дивизии, готовые сорвать любую попытку противника вторгнуться на континент. На улицах Парижа поступь марширующих немецких солдат. Балканы под контролем. Наш «Африканский корпус» уже в нескольких километрах от Александрии. Авиация и подводные лодки с Сицилии и Крита контролируют почти всё Средиземное море. Эскадры наших бомбардировщиков каждый день поднимаются с аэродромов и берут курс на Англию. Под контролем наших подводных лодок вся линия фронта от Чёрного моря до Северно-ледовитого океана. Германский генеральный штаб разрабатывает свои планы с прусским педантизмом и основательностью. Трезво и осторожно взвешивает все обстоятельства. Предусматривает все возможности. Предписывает всё вплоть до малейших деталей. Так почему же до сих пор мы не смогли рассечь Советскую страну надвое?

Генрих. Тебя тоже на пафос потянуло?

Фриц. Что нас остановило под Сталинградом? Когда до победы осталось полшага? Кто нас остановил?!

Солдат вводит русского пленного.

Солдат. Русский!

Пауза.

Генрих. Настоящий богатырь! А сапоги.... Наверняка, у него никогда не бывает мозолей!

Герд. И одежда чистая? (Русскому) У тебя нет вшей?

Русский. Не понимаю.

Герд. Он даже не понимает!

Фриц. Так вот, значит, каков он, наш противник! (Показывает пленному на ящик) Иди, садись!

Пленный. Не понимаю.

Фриц. (Герду) Приведи переводчика!

Герд выходит.

Пленный стоит спокойно.

Немцы рассматривают его.

Генрих. Новенький овчинный тулуп. Новенькая шапка-ушанка. Рукавицы из кролика. В такой одежке можно отбить любую атаку!

Герд возвращается с переводчиком.

Фриц. (Переводчику) Спроси его. Каким образом их артиллерия так быстро отреагировала на нашу артподготовку?

Переводчик синхронно переводит пленному.

Пленный слушает спокойно и внимательно.

Пленный. Это была наша артподготовка. В тот момент, когда вы предприняли атаку, мы как раз собирались начать наступление.

Переводчик синхронно переводит.

Фриц. Ясно!

Генрих. Не похоже на последние судороги обороняющихся.

Фриц. (Пленному) Подойди к карте!

Пленный понимает и подходит.

Карта освещается.

Фриц говорит и показывает. Переводчик переводит синхронно.

Фриц. Смотри! С первого же натиска отбросили вас с Донца к Осколу. Из Оскола вот сюда, в Большую излучину Дона. Закрепили захват у Калача. Захлопнули в котле девять ваших стрелковых дивизий, две моторизованные и семь танковых бригад 1-ой танковой армии и 62-ой армии. Так?

Пленный молча смотрит и слушает.

Фриц. К югу от Воронежа захватили весь правый берег, обеспечили фланги. Какой кромешный ад мы устроили Сталинграду! Тысячи моторных лодок через Дон! Впереди несметного множества атакующих танков неслись пикирующие бомбардировщики. Они ревели в нескольких метрах над землёй! Моторизованные колонны сметали всё на перешейке между Доном и Волгой! Ответь мне, старик! Как солдат солдату! Почему мы до сих пор не отправили вас в нокаут?

Пленный. (Спокойно) Потому что Сталинград – это не вторжение в мирно спящую страну, как в сорок первом... Напрасно вы рассчитывали на встречу профессионалов с дворовой командой! Смотрите! (Показывает) Вот здесь, на участке Клетская – Серафимович три дня назад мы осуществили глубокий прорыв...

Фриц. Временный успех!

Пленный. Вчера ещё прорыв. У озера Цаца. И глубоко вонзились в ваш тыл. Мы прорвались к Калачу с севера и с юга. Калач не защищён.

Генрих прямо босиком подходит посмотреть.

Пленный. Вот-вот захлопнется крышка котла над всей 6-ой армией.

Людвиг. Ошибаешься, засранец! Всё идёт по плану! Наше командование заманило вас в западню! Мы открыли линию фронта. И вы, как кретины, устремились в эту дыру! А мы захлопнем фронт. И возьмём всю вашу армию!

Генрих. Людвиг! Здесь не Гитлерюгенд!

Если он говорит правду, нам отсюда не выбраться!

Фриц. Русские вряд ли упустят возможность разделаться с нами!

Людвиг. Рано, рано сбрасываешь со счетов фюрера! К Рождеству вернёмся в Берлин на конях! Через Бранденбургские ворота! Вот будет праздник!

Фриц. Это какая-то другая армия, здесь, под Сталинградом. И этот пленный не такой, каких мы брали ещё месяц назад. Похоже, русские вот-вот могут отправить в нокаут нас! Я хочу выразить тебе своё уважение, как солдат солдату. С беспримерным мужеством вы защищаете своё отечество и свой коммунистический режим! Но откуда у вас берутся силы? И почему именно здесь, под Сталинградом?

Пленный. Кто вас остановит? Мы – избранные.

Гердт. Могильщики!

Фриц оборачивается. На пороге – двое из похоронной команды. Прямо с инструментом.

Первый могильщик. Господин обер-лейтенант! Много непогребённых скопилось...

Второй могильщик. Очень много...

Фриц. Поторапливайтесь!

Первый могильщик. Земля промёрзлая, господин обер-лейтенант!

Второй могильщик. И ветер ледяной!

Первый могильщик. Мы не поспеваем!

Второй могильщик. Положено долбить на два метра в глубину.

Первый могильщик. Я хотел попросить... Проще выкопать поглубже, но... чтоб в могилу класть не по одному...

Фриц. Хорошая идея! Копайте могилу сразу на целую роту! Да что там, - на полк! На дивизию!

Гердт. Собачья работа!

Фриц. Спросите у пастора! Согласен ли он молиться за героев и произносить здравицу в честь Германии над общей могилой?

Генрих. Фриц, отправь с ними русского пленного. Посмотри, какой он сильный и здоровый.

Фриц. Ещё одна отличная идея! (Пленному) Для тебя нашлась работа. Будешь копать могилы для солдат Рейха!

Переводчик переводит. Пленный кивает.

Фриц. Это тяжёлая работа.

Пленный. Я справлюсь.

Людвиг хватает винтовку и направляет на русского.

Фриц встаёт между ним и русским.

Людвиг. Он издевается над нами!

Фриц. Мы солдаты Вермахта, а не убийцы!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Сочельник.

Рождественский гимн.

Словно бы наступил мир.

Подвал преобразился.

Надежда Птушкина. *СТАЛИНГРАДСКОЕ ТАНГО* <http://ptushkina.com>

Всё выскоблено и вымыто.

На стене – лотарингский крест – знак дивизии.

А также, в рамочках – фотографии жён, детей, родителей, собаки, кошки и даже лошади.

Вместо ели, макушка сосны. Украшена свечами.

На верхушке – черно-бело-красный флажок (штандарт дивизии).

Герд, подсвистывая гимну, вырезает ножницами из золотой и серебряной бумаги звёзды и фигурки и тут же развешивает.

Людвиг сидит с замотанным лицом, держится за голову и раскачивается, словно бы укачивает нестерпимую боль.

Генрих блаженствует.

Фриц пишет. Закончив очередное письмо, укладывает в конверт и, сверяясь со списком, надписывает адрес и откладывает в стопку.

Генрих. Тепло – это всё. Тепло и вода.

Гердт. А мы под Москвой стояли в деревне. Мылись в бане. (Смеётся)

Генрих и Фриц смотрят на Гердта.

Тот корчится от смеха.

Гердт. Мылись в бане.

Генрих. (Тоже начинает смеяться) С мылом?

Герд. (Заливается) Без мыла!

Смеются уже все.

Гердт. (Обрывает смех, гордо и важно) С женщинами!

Пауза.

Генрих. С молодыми?

Гердт. А какая разница?

Генрих. Никакой разницы! Хлебом, вроде пахнет?

Гердт. От русских. Ветер с их стороны.

Людвиг издаёт отчаянный стон.

Генрих. Сильно болит?

Людвиг не отвечает.

Генрих. До победы заживёт!

Гердт. У него кровавый гной из глаза, из носа и из уха.

Генрих. Потерпи. Сейчас врач придёт.

Гердт. Ну, придёт. А лекарств никаких. Хотя бы горячую воду организую.

Берёт котелок и выходит набрать снега.

Гул самолётов.

С неба падают листки; жёлтые, красные, синие, зелёные...

Генрих. Сколько нам ещё корчиться без сил, в этих норах, среди этих снегов?

Гердт возвращается с котелком и листком.

Гердт. Несу, несу снег. И поздравление с Рождеством от русских. (Даёт Генриху листовку).

Генрих рассматривает листок.

Гердт проходит в смежную комнату, ставит котелок на печь.

Фриц. Ну и что желают русские нам на Рождество?

Генрих. Капитуляция. Плен. Питание. Медицинская помощь. Возвращение на Родину после войны.

Гердт. Иваны совсем обнаглели!

Слышен писк.

Герд на цыпочках пробирается к оружию, хватает винтовку и палит в пол.

Никто не обращает на это внимания.

Герд спокойно ставит винтовку в угол.

Фриц. Больше месяца не протянуть. И уже не вырваться отсюда!

Генрих. А я бы рискнул!

Фриц. Нет, не вырваться!

Людвиг. (Неожиданно бесновато выкрикивает) Наш долг – держаться, держаться и держаться!

Генрих. (Отодвигается от него и утирается) Не ори! От тебя гной и кровь во все стороны.

Людвиг. Вгрызться зубами в эту землю!

Гердт. Да у нас уж зубов не осталось!

Людвиг. Держаться до последней съеденной лошади! (С отчаянным стоном, сжимает голову)

Генрих. Что в голове у Паулюса? Зейдлиц-Курцбах ещё месяц назад, убеждал его, что надо прорываться?

Фриц. Так считают многие генералы. Но Паулюсу плевать на свою армию.
Главное – повиновение Гитлеру!

Людвиг. (Снова кричит) Вот-вот будет готово чудо-оружие! Скорострельное!

Гердт. Горячая вода! (Людвигу) Пополощи рот! А я слышал, - танки.

Людвиг. И танки!

Герд подставляет для Людвига таз.

Людвиг. И исход войны будет решён! Срочно, срочно надо чудо-оружие!

Делает глоток, пытается полоскать рот, но боль такая, что тут же выплёвывает воду, кидается на пол и орёт.

Все молчат.

Гердт. Всё, что тебе сейчас надо, это – прислониться щекой к тёплому котелку.

Людвиг так и делает, и стихает.

Фриц. И Паулюс, и фюрер, все они спасут свои шкуры. За их ошибки расплатимся мы!

Генрих. Мама так радовалась, когда впервые увидела меня в офицерской форме.

Фриц. И моя мама тоже. Без меня мама зачахнет. Я – единственный смысл её жизни.

Генрих. Война заняла слишком много места в моей жизни и слишком многого лишила. И если она бессмысленна, то обесцениваются и годы, оставшиеся позади.

Людвиг. (С пола, слабым голосом) Болтуны! Кто из вас откажется повиноваться? У фюрера крепкая рука. А тех, кто повинуется, он не оставит своими милостями!

Генрих. Тебе лично милость нужна уже сию минуту!

Фриц. Где же врач?

Входят врач и переводчик.

Врач апатичен.

Переводчик в приподнятом настроении. Ему нравится, что он вносит в этот подвал радость. В руках у него посылки и письма.

Переводчик. С наступающим, вас! Пляшите! Несказанное везенье! Самолёт, в котором была почта для нас, добрался. Единственный самолёт!

Выкладывает всё на «стол».

Фриц! Посылка из Африки! Жутко тяжёлая! Фрукты! Очень кстати! Цинга начинается!

Все, кроме Людвига, подходят, разбирают почту. Рассматривают ящик для Фрица.

Генрих. Фрукты к Рождеству! Там любят нас и стараются поддержать. Я начинаю верить в победу!

Гердт принюхивается к ящику.

Гердт. Не улавливаю аромат...

Переводчик. Экзотические фрукты пахнут слабо.

Гердт. Не ел фруктов с августа! В августе мы ещё искали спелые яблоки, а зелёные просто выбрасывали! Вот были времена! Какими же идиотами мы были! (Отходит в сторону со своей маленькой посылкой и любовно начинает распечатывать) В моей, наверное, шоколад...

Генрих читает своё письмо и улыбается. Переворачивает страницу, дочитывает до конца. Блаженно улыбается, располагается удобнее и начинает читать письмо с начала.

Переводчик. (Людвигу) И тебе посылка! (Ставит перед ним посылку) (Гердту) Что у тебя? Шоколад?

Гердт достаёт из посылки мишуру, флажки, бумажные фонарики.

Все смотрят на него и молчат.

Наконец он достаёт со дна коробки письмо.

Внимательно осматривает коробку, хотя, очевидно, что больше ничего там быть не может.

Гердт. Чёрт побери!

Читает письмо.

Все возвращаются к своим делам.

Фриц продолжает возиться с крышкой ящика.

Гердт. (В голосе слёзы) Мама и сестра верят, что у нас есть всё. Там, по радио, каждый день рассказывают, как мы хорошо всем здесь обеспечены. Мама и сестра очень-очень сэкономили, чтобы прислать мне...

Хватает коробку и с размаху кидает на пол...

Все вежливо делают вид, что не замечают.
Немного подумав, он бережно всё собирает.

Фриц. Налетай! (Открывает крышку ящика) Опля!

Все, кроме Людвига, кидаются к нему. Вопль удивления и разочарования.

Фриц извлекает из ящика большой и странный предмет. Освобождает его от обёрточной бумаги и извлекает странной формы вазу.

Врач. Что это?

Генрих. Керамика!

Фриц. Ваза? Глазам своим не верю!

Переводчик. Глина?

Фриц. Керамика!

Переводчик. (Кричит) Людвиг! Да взгляни же! Что прислали тебе?

Людвиг не реагирует. Он сидит на полу и раскачивается от боли.

Переводчик. (Берёт его посылку) Ты позволишь?

Людвиг. (Измученно) Да...

Переводчик распечатывает и извлекает флакон.

Переводчик. (Демонстрирует всем) Одеколон!

Гердт. Иваны пьют одеколон!

Генрих. В рукопашном, ни разу ни у кого из русских не воняло изо рта одеколоном! Только перегаром.

Врач. Лучше бы вместо одеколону, прислали мазь от обморожения, жидкость от вшей, аспирин, йод, касторку.

Фриц. Там, дома, они понятия не имеют, что с нами происходит. Они думают, что армия такая же, как в 39.

Гердт. Господин обер-лейтенант! Могильщики!

На пороге те же могильщики.

Первый могильщик. С Рождеством вас, господа!

Второй могильщик. Даст Бог, на следующее Рождество будем дома.

Фриц. И вас с Рождеством! Гердт, дай им бутылку водки!

Первый могильщик. Спасибо, господин офицер! У меня к вам просьба...

Второй могильщик. Большая просьба.

Первый могильщик. У вас Рождество.

Второй могильщик. Рождество.

Первый могильщик. Скопилось больше ста трупов.

Гердт. Незавидная компания у вас, братцы!

Второй могильщик. Очень сильный мороз. С ними ничего не случится.

Первый могильщик. С ними всё уже случилось. Мы могли бы их захоронить после Рождества.

Фриц. Вы предлагаете, чтобы погибшие герои валялись поверх земли?

Первый могильщик. Они – мужественные ребята. Настоящие герои! И они бы нас поняли! Тем более, не так уж велика разница между ними и нами.

Второй могильщик. Вопрос только во времени. В сущности, разница между ними и нами для кого-то в днях, а для кого-то и в минутах. В сущности, все мы, и мертвые, и живые, в одном положении. И ещё вопрос: что лучше? Конец без мучений или мучения без конца?

Генрих. У меня ощущение, что все мы участвуем в трагедии Шекспира!

Фриц. И каждый должен доиграть свою роль до занавеса. Герои - погибли на войне, я - пишу их родным похоронные письма (указывает на стопку писем), вы - копаете для них могилы. Каждый исполняет свой долг.

Генрих. И ещё вопрос, останется ли кто-то написать похоронные письма нашим родным и вырыть могилы для нас?

Первый могильщик. Мы не знаем отдыха. Но мы не справляемся.

Второй могильщик. Выход один - общая могила для всех. Иначе, мёртвые будут повсюду. Мёртвые смешаются с живыми.

Фриц. Спросите у пастора.

Первый могильщик. Пастора больше с нами нет.

Второй могильщик. Пастор покинул нас.

Гердт. Пастор отбыл в Германию. Он сюда не вернётся.

Фриц. Не хватает еды, не хватает патронов, не хватает даже могил! А теперь и с Богом прервалась связь!

Генрих. Живи, о, Родина, погибших не считая!

Фриц. Не велика ли цена за верность присяге? И неужели народ не спросит отчёта за гибель своих детей?

Генрих. (Могильщикам) Ступайте, старики! Вот вам ещё бутылка водки. И это всё, на что мы способны ради вас. С рождеством!

Могильщики уходят.

Людвиг воет от боли.

Генрих. (Врачу) Забери его в госпиталь!

Врач. Нет!

Фриц. Он совсем плох!

Врач. Нет! Я сказал, - нет! Милосерднее пристрелить его!

Пауза. Все уставились на врача.

Врач. Те, кто в госпитале, завидуют нам! Они умирают от голода. У всех отёки, потому что вместо еды, нечистая вода. Температура тела у всех ниже тридцати четырёх. Те, что обморожены, гниют заживо. Медикаментов никаких! Со вшами смирились, и тиф свирепствует без преград. Оперируют здесь же. Три врача, в бурных от крови халатах, круглосуточно ампутируют на двух столиках, укрытых только клеёнками, которые не меняют. Режут и пилят почти в темноте, наощупь. Наркоза давно нет. Умирают от нестерпимой боли. Врачи падают в обморок от духоты и чудовищной вони. Они только режут и пилят. Лечить и выхаживать некому. Стоматологов нет вообще. От загноившегося зуба умереть в адских мучениях теперь совсем просто. Госпиталь – это ад. (Людвигу) Оставайся здесь, пока ты ещё в сознании... Да и что, собственно, значит жизнь? Когда-нибудь она всё равно кончается... Мы все тут уже начали умирать для внешнего мира. Мы уже почти символы. Мы должны умереть, потому что Гитлер этого хочет. Народ устал от войны. И следует впрыснуть в его чувства по дозе фанатизма и патриотизма. Наша жертвенная смерть нынче весьма кстати! Разве не почётно стать навозом для красивой пропаганды? Целая армия пожертвовала собой за фюрера и рейх! И священный долг каждого немца отомстить за её гибель! Недурно!

Все молчат. Слышно, как тикают часы.

Фриц. Мы уже ничего не в силах сделать для мёртвых, но живым мы должны помочь любой ценой! Что мы можем сделать для раненых? (Показывает на Людвиг) Он наш товарищ! Что мы можем сделать для него?

Врач. Белая скатерть! Есть белая скатерть?

Гердт. Есть. Я сберёг её к Рождеству.

Врач. Дай!

Гердт подаёт скатерть.

Гердт. Какой аромат! Она совсем не пахнет войной.

Врач берёт скатерть и выходит из КП.

Все тянутся за ним.

Снаружи словно видение Апокалипсиса.

Снег цвета индиго.

Снежный монумент, из которого торчат человеческие рука, нога, но голова лошади. Похоже на авангардистский памятник.

Неподалёку от КП бруствер из тел. Трупы на морозе приобрели зелёный и коричневый цвета.

Граница нейтральной зоны обозначена воткнутыми в снег копытами вверх лошадиными ногами, глянцево блестящими и искрящимися от мороза.

Врач. Между нами не больше тридцати метров. Я пройду их.

Высоко поднимает скатерть, переступает «границу» и идёт медленно в сторону русских.

На КП остался только Людвиг.

Он озирается, плохо соображая, почему он внезапно оказался в одиночестве. Потом берёт ружьё и пристраивает его между коленями, явно намереваясь застрелиться.

Врач идёт.

Все смотрят, как он идёт.

Людвиг готовится нажать на спуск.

Выстрел.

Врач останавливается.

Людвиг роняет ружьё.

Выстрел из ружья Людвига.

Все оглядываются на выстрел в КП.

Гердт. Людвиг по мышам палит!

Прислушивается к тому, что снаружи, и снова берёт ружьё.

Гердт. (Неожиданно громко кричит) Рус! Не стреляй! Рус! Не стреляй!

Людвиг отстраняет ружьё и ползёт к порогу КП.

Гердт. Рус, прости! Прости нас, Рус! Не стреляй! Не стреляй!

Врач продолжает идти.

Гердт. Рус, не стреляй!

Голос со стороны русских. Давай, давай, Фриц, не робей. Смелее топай к нам! Давайте, все сюда!

Темно. Звучит финал транслируемой по радио рождественской речи Геббельса.

«Мы знаем, что для нас наступил поворотный момент, и теперь всё дело в том, чтобы понять это и действовать соответственно, осознать, что судьба уже давно испытывает нас, действительно ли мы призваны руководить всем миром! Время, которое я хотел посвятить разговору с вами, истекло.»

И милый девичий голос.

Перед вами выступил имперский комиссар обороны Берлина, господин рейхслейтер, доктор Пауль Йозеф Геббельс.

Снова КП.

Но теперь здесь всё сияет чистотой.

«Ёлка» в огнях.

Стены украшены хвоей и мишурой.

На «столе» ожидают шампанское и нехитрая, но красиво сервированная еда. В смежной комнате темно.

Вокруг стола разместились, принаряженные и оживлённые, Фриц, Генрих, Переводчик, Врач, Гердт.

Людвиг, с недовольным видом, в стороне.

Врач. Ещё раз! (Взмахивает руками)

Все (кроме Людвига) поют, но шепотом.

Что лучше охоты?

В леса и болота

С утра без заботы

Мы рыскать идём!

Чуть рог заиграет...

Врач. (Также шепотом) Стоп! Стоп! Гердт! Ля! Чуть рог заиграет... А ты, Фриц, верхнее ре, ре, ля, ре, ми.... А тебя, Людвиг, вообще не слышно!

Людвиг. (Нормальным голосом) А я и не пою!

Врач. Тише! Зуб не болит?

Людвиг. (Нормальным голосом) Не знаю. Нас разлучили.

Генрих. (Злым шепотом) Не будь кретином, Людвиг! Этот зуб чуть не убил тебя!

Людвиг. (Нормальным голосом) Врач Вермахта постарался бы сохранить зуб своего солдата!

Фриц. (Шепотом) Тише, кретин! Она спасла тебя! И ещё три десятка жизней солдат Вермахта! Двое суток провела у бормашины! И ни разу не присела! И всё время держала во рту ампулы, чтобы согреть жидкость для уколов! У неё нервы, как стальные канаты!

Людвиг. (На повышенных тонах) Пропаганда и агитация!

Фриц. Тише!

Генрих. Заткнись!

Людвиг. (Чуть сбавляет тон) Вы все поддались на пропаганду русских!

Гердт. (Тихо и мечтательно) А глаза у этой пропаганды синие-синие...

Людвиг. (Снова взрывается) Хватит о моём зубе!

Входит Павич. Щеголеватый, красивый. В руках у него нечто, закутанное в одеяло.

Гердт. Полковник Павич!

Фриц. Какие люди снизошли до нас!

Генрих. Чем обязаны такой чести?

Павич. (Людвигу) Как твой зуб?

Людвиг. Нет больше зуба!

Павич. И прекрасно! Без него ты выглядишь гораздо лучше! А где?

(Озирается)

Генрих. (Невинно) Ты что-то ищешь?

Павич. Не что-то, а кого! Кого-то прекрасного!

Генрих. Так вот же, - я перед тобой!

Павич. Где Катюша?

Людвиг. Она дрыхнет! Меня сейчас стошнит от всех вас!

Переводчик. Пора будить фройлян Катюшу! А то русские встревожатся и предпримут штурм.

Берёт свечу и идёт в соседнюю комнату.

Фриц. (Вслед ему) Осторожно! Не напугай её!

Остальные перестраиваются.

Фриц и Людвиг встают.

Генрих и Гердт забираются на ящики.

Павич разворачивает одеяло и извлекает маленький яркий живой цветок, происхождением явно из цветочного горшка.

Переводчик со свечёй подходит к печи.

И теперь видна, спящая на импровизированном ложе, невысокая полненькая девушка в советской военной форме.

Переводчик. (Осторожно) Фройлян Катюша! Пора вставать.

Генрих. (Про цветок) Павич! Откуда эта роскошь?

Павич. (Гордо) Из штаба. Спёр под самым носом у генерала!

Девушка неожиданно вскакивает и орёт во весь голос.

Смерть фашистам!!!

Людвиг дёргается.

Павич. (Спокойно кладёт руку ему на плечо) Надеюсь, фройлян без оружия?

Переводчик. (Девушке) Гутен Морган, фройлян!

Оставляет свечу и на цыпочках выходит.

Все смотрят на него.

Переводчик. Всё в порядке. (Встаёт на ящик рядом с Генрихом и Гердтом.)
Все молча ожидают.

Девушка поправляет волосы, одёргивает форму и медленно выходит.
Останавливается на пороге и смотрит на немцев.

Врач взмахивает руками, и импровизированный хор во весь голос выдаёт.

Что лучше охоты?
В леса и болота
С утра без заботы
Мы рыскать идём!
Чуть рог заиграет
Иль стая залает,
В нас кровь закипает горячим ключом!
Промчится ли серна
Иль лань, мы наверно,
В них пулею верной
Без промаха бьём!
А день угасает,
Костёр запылает
И чаша гуляет
С янтарным вином!
Ля, ля, траля, ля,
Траля, ля, ля, ля,

Ля, ля, ля!

Возможно, и не безупречно, но весело и от души.

И Катюша оценивает.

Улыбается и аплодирует.

И все улыбаются, окружают её.

Павич. Позвольте! (Встаёт перед Катюшей) Позвольте представиться.

Полковник Павич! Разрешите вам преподнести! От чистого сердца!

(Протягивает цветок, декорированный серебряной фольгой) Ка-тю-ша...

Катюша. (Павичу) Спасибо! (Всем) Спасибо! (Людвигу) Как ваш зуб?

Переводчик переводит, и все смеются.

Людвиг. (Зло) Ну, просто Белоснежка и семь гномов!

Катюша не понимает, но старается улыбаться.

Переводчик переводит ей.

Катюша смеётся и принимает цветок. Осматривается.

Катюша. У вас очень красиво. И уютно.

Павич. Не могли бы вы оказать нам честь? Отметить с нами наступление Нового Года?

Катюша. Новый Год? А какое сегодня число?

Генрих. Первое января одна тысяча девятьсот сорок третьего года. (Смотрит на часы) Шесть часов двадцать минут.

Катюша. (Испуганно) Вечера?

Павич. Утра!

Катюша. (Испуганно) Уже?

Павич. Вам удалось хоть немного отдохнуть?

Катюша. Да. Спасибо. Сколько я проспала?

Генрих. (Снова смотрит на часы) Около трёх часов!

Катюша. Так долго?

Генрих. Вы очень много работали. Более двух суток. Вы не присели.

Катюша. Я почти ничего не помню. (Смеётся) Только зубы, зубы, сверло, щипцы... Как сон... (Людвигу) Вас я запомнила... У вас тяжёлый случай. Я тревожусь. Не могла бы я взглянуть? Откройте рот, пожалуйста!

Фриц. (Рявкает) Открой рот, Людвиг! Это надо тебе, чёрт побери! Что ты строишь из себя?

Слова Фрица переводчик не переводит.
 Людвиг открывает рот.
 Катюша внимательно осматривает его рот.

Катюша. (Людвигу) Слабые дёсны! Вы знаете, всё обойдётся, но надо больше витаминов. Лук, чеснок... Можете закрыть рот!

Павич. Спасибо. Присаживайтесь!

Катюша. Спасибо. Но... я, пожалуй, пойду...

Павич. Но мы так старались!

Гердт. Вам надо поесть! У нас биточки! Я сейчас погрею!

Хватает котелок и бежит ставить на печь.

Врач. Биточки! Ради вас мы пропустили через мясорубку нашу последнюю лошадку!

Катюша. Вы едите лошадок?

Генрих. Мы не едим лошадок! Мы мечтаем, вдоволь наестся, конины.

Гердт. А чем накормят вас, когда вы вернётесь?

Катюша. Ну,... Кашей. Или, может быть, макаронами по-флотски и компотом из сухофруктов. И ещё, наверное, шоколад. Мы вкусно питаемся. У нас все сыты.

Гердт. Макароны по-флотски? Это как?

Катюша. Макароны с луком и тушёной.

Людвиг. С американской тушенкой?

Катюша. С американской.

Людвиг. Сначала, вы, русские, были заодно с нами, а теперь перекинулись на сторону хороших парней! И чем вам за это платят, кроме тушенки?

Переводчик. Я не буду это переводить, Людвиг! Она наша гостья.

Врач. Не гостья! Спасительница!

Фриц. (Поспешно) А у нас тоже есть шоколад! (Выкладывает несколько плиток шоколада) Немецкий шоколад гораздо лучше американского!

Пробуйте!

Генрих. Откуда такая роскошь?

Фриц. Скопил. Шоколад выдают тем, кто участвует в ближнем бою. Но, по количеству активных штыков на вчерашний день. А всегда ведь кого-то убьют.

Разговор Генриха и Фрица переводчик тоже не переводит. Вместо этого он предлагает Катюше шоколад.

Переводчик. Фройлян, этот шоколад для вас!

Катюша. Для меня? (Забирает весь шоколад) И я могу делать с ним всё, что хочу?

Павич. Шоколад ваш!

Катюша. (Протягивает шоколад Врачу) Пожалуйста, раздайте шоколад тяжелораненым!

Врач. (Берёт шоколад) Хорошо. Я скажу, - от Катюши.

Катюша. А теперь мне пора...

Павич. Минуточку! Фриц, пройди!

Фриц. Зачем?

Павич. Пройди до двери и обратно!

Фриц. Зачем? Я не понимаю.

Павич. Пройди, чёрт бы побрал тебя!

Фриц. Хорошо.

Проходит до двери и обратно, заметно прихрамывая.

Павич. (Катюше) Смотрите внимательно! Смотрите на него внимательно! Смотрите на нашего Фрица!

Катюша смотрит.

Фриц. (Павичу) Ну и что?

Павич. (Катюше) Наш Фриц вчера утром не хромал. За всю войну он не был ни разу ранен. Но вчера вечером он рисковал жизнью. И ему ещё повезло, что его ранили в ногу. Он рисковал жизнью ради вас, Катюша!

Катюша. Ради меня?

Павич. Ради вас!

Фриц. (Павичу) Ну, что ты за болтун?!

Павич. Помолчи! Недалеко от цеха 4, наши солдаты обнаружили чан с вязким сиропом. И стали бегать к нему с канистрами. Место, где чан, отлично простреливается русскими. Они убили у чана не менее десятка наших солдат. И только ради вас Фриц пошёл на этот смертельный риск. Он набрал канистру солода. И Фрица хранил Бог. Ему только прострелили ногу! А Гердт сварил этот сироп, вылил на противень, поджарил... И вот для вас готовы сладкие роскошные конфеты. Вы должны их попробовать.

Катюша. Я попробую. (Фрицу) Спасибо!

Генрих. У нас грог! Шнапс и вода! Желательно бы добавить сахара, и лимон... Но и так можно!

Павич. Фройлян предпочтёт шампанское! Не так ли, фройлян Катюша?

Катюша. Я ни разу в жизни не пила шампанское!

Павич. Нет?

Катюша. Нет!

Павич. Прекрасно! Это прекрасно! Я откупориваю! Гердт! Бокалы!

Гердт подаёт кружки. Павич откупоривает и разливает шампанское. Фриц подаёт кружку Катюше.

Павич. (Задумчиво) Итак, тост! За что, друзья мои?

Людвиг. (Резко и сразу) За нашего фюрера!!!

Катюша понимает Людвиг и тут же ставит кружку.

Павич. За нашего фюрера мы выпьем сами!

Снова подаёт Катюше кружку.

Павич. Я предлагаю выпить за окончание войны!

Людвиг. За победу!

Павич. За окончание войны и за дружбу! За мир и дружбу после войны!

Людвиг. После окончания войны, русские станут нашими рабами. Я не дружу с рабами!

Генрих. Людвиг! Заткнись!

Естественно, то, что говорит Людвиг, переводчик опускает. Из-за этого Катюша в некотором напряжении.

Павич. Не я начал эту войну, Катюша! И не Фриц! И не Генрих! И не Гердт. И не он! (Показывает на врача) И не он! (Показывает на переводчика) И даже не Людвиг! Многих из тех, кто не начинал эту войну, уже нет! И они никогда не смогут оправдаться перед вами! И не вы, Катюша, начали эту войну! И сейчас, когда нас таким странным и прекрасным образом свела судьба, почему бы нам ни выпить вместе за то, чтобы эта война поскорее закончилась? И простить друг друга!

Катюша. Простить? Я была в Сталинграде, когда вы входили в него. Мой белый город, весь в садах, за один августовский день вы превратили в ад. Деревянные окраины сгорели дотла за час. Высокие дома выгорели и обрушились. Сколько семей были погребены заживо?! Матери прижимали к себе убитых детей, а дети тормошили убитых матерей! По всему берегу Волги бушевало пламя! Цистерны с горючем обратились в огненные столбы до самых небес! По всей Волге пылала нефть! Я не верю в рай, но ад я видела своими глазами! Милосердие к побеждённым – да! Прощение – нет!

Павич. Передайте нашу благодарность Вашему командованию за то, что оно отпустило вас лечить наших солдат!

Людвиг. Пропаганда! Дешёвая пропаганда! Пропагандистский трюк!

Генрих. Ты соскочил с лопаты могильщика! Что ты имеешь против такой пропаганды?

Павич. Но мы так и не выпили! Фройлян никогда в жизни не пила шампанского! Давайте, не будем ссориться! Давайте выпьем за то, чтобы все мы когда-нибудь были счастливы! Господа, я умоляю вас!

Катюша. Мне пора!

Павич. Но как же?

Катюша. Мне пора к своим! Где моя шинель?

Гердт приносит шинель. Павич берёт шинель и подаёт Катюше.

Все молчат.

Общая неловкость.

Катюша замечает фотографии. Подходит ближе.

Фриц. Это моя мама. Она очень любит готовить. Даже на фотографии, она в фартуке. Я сердился на то, что она всё время предлагала мне поесть. Сейчас мне это совсем не помешало бы.

Гердт. А это я и четыре моих сестрёнки. Все мы близнецы. Про нашу маму писали в газетах. Сразу пять новорожденных! И все одинаковые. Если я... это будет не очень заметно... Хотя, из всех нас, мальчик только я... Я никогда не путаю сестрёнок... Мне даже странно, что их можно путать!

Генрих. Это Адам. А рядом его жена. Он её очень любил. Он понравился бы вам. А это моя дочь. Ей четыре года, но такой я ещё не видел её. Я не видел её почти три года. Я каждые полгода посылаю для неё свою фотографию.

Фриц. (Катюше, осторожно) А у вас кто-то есть?

Катюша. Мама и сестра! Мама у родных на Севере, а сестра на Ленинградском фронте. Тоже врач-стоматолог.

Фриц. А жених?

Катюша. У меня нет жениха!

Фриц. У меня тоже... я тоже не успел...

Катюша. Мне пора.

Идёт к выходу. Все провожают её.

Всё чисто и бело вокруг. Всё укрыто снегом. Весь мир, как белый лист. Все вышли из КП, стоят и вот-вот уже разойдутся.

И в этот момент грянуло танго. «Утомлённое солнце нежно с морем прощалось. В этот миг ты призналась, что нет любви...»

Все опешили, но танго продолжается.

И Павич расшаркивается перед Катюшей.

Павич. Позволите?

И умело ведёт её в танго.

Генрих. Позвольте и мне?

И забирает Катюшу у Павича.

Врач. Позвольте!

Уводит Катюшу.

Переводчик. Разрешите?

Танцует с Катюшей.

Гердт. И я! И я!

Танцует с Катюшей.

Танго смолкает.

Голос. Положение ваших окружённых войск тяжёлое. Вы испытываете голод, болезни и холод. Суровая русская зима только начинается, а вы не обеспечены зимним обмундированием и находитесь в тяжёлых антисанитарных условиях. У вас нет никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения. Ваше положение безнадёжное. И дальнейшее сопротивление не имеет никакого смысла. Мы гарантируем всем, прекратившим сопротивление, жизнь и безопасность. А после окончания войны, возвращение на Родину!

Все слушают.

Диктор умолкает.

И они молчат тоже.

Врач. Капитуляция, - это требование товарищества. Наши раненые оставлены без всякой помощи.

Людвиг. Мы давали присягу!

Генрих. Ни один солдат в мире не упрекнёт нас за капитуляцию!

Переводчик. Мы сделали всё, что в наших силах, и с достоинством отправимся в почётный плен.

Гердт. Такая капитуляция не унижает!

Фриц. Что мы можем сделать? Наше командование смотрит на это так же, как Людвиг.

Катюша. Вы многое можете!

Фриц. Что?

Катюша. Вы можете прекратить кровопролитие хотя бы на этом маленьком клочке земли. Вы можете больше не участвовать в этом!

И снова танго.

Фриц танцует с Катюшей. Все смотрят.

Танго не кончается.

Катюша освобождается из объятий Фрица и идёт прочь.

Павич. Катюша! Стой!

Убегает в КП.

Катюша ждёт.

Павич возвращается и даёт ей цветок.

Катюша идёт к своим, она пятится и машет рукой прощально.

Павич посылает ей воздушные поцелуи.

Гердт. Катюша!

Она останавливается.

Гердт. Гитлер – капут!

И идёт к Катюше.

Фриц. (Неожиданно товарищам) Прощайте! Я сдаваться.

Поспешно обнимает всех.

Катюша понимает, что происходит и ждёт.

Людвиг. (Фрицу) Что ты делаешь? Мы же товарищи!

Фриц. Нет, мы не товарищи! Нас просто вынудили играть в одной команде.

(Идёт в сторону русских) Катюша!

Катюша улыбается, подпрыгивает и размахивает цветком, а потом кричит в сторону русских.

Катюша. Не стреляйте! Свои! Не стреляйте!

Гердт. Не стреляй, рус! Мы свои! Не стреляй!

Людвиг стреляет в Катюшу.

Танго резко обрывается.

Фриц изо всех сил, хромя, бежит к Катюше и успевает подхватить её.

Генрих вышибает ружьё у Людвиг и сильно бьёт его прикладом.

Павич. Боже мой, она так и не пригубила шампанского!

В полной тишине Фриц несёт Катюшу в сторону русских.

Конец.